

ЧАСТЬ 1





Янка пела. Раньше она всегда пела, когда ей было весело и хорошо. Поэтому сейчас ей тоже надо петь. Чтобы стало хоть немного легче. Хоть чуточку хорошо, хоть капельку весело. Ведь понятно же, что в этом мире ничего хорошего больше не будет. Никогда. Но надо как-то... ну, притвориться, сделать вид, что всё более или менее, что не так уж всё это и страшно, что ей весело и хорошо, хорошо и весело, она поет, поет и поет. Янкина песня захлебнулась и перешла в плач.

Это жестоко, жестоко, жестоко! Нельзя с ней так поступать, ведь она живая, она чувствует, дышит, а они? Что они сделали? Если бы они любили ее — хоть чуть-чуть! — они бы не развелись, жили бы вместе. Сколько людей живут вместе, чтобы детей не травмировать, и ничего!

«Я считаю, это нечестно. Разве ты, Яна, будешь счастлива, зная, что мы с папой живем друг с другом

только из чувства долга?» Да! Она, Янка, будет счастлива! Ей вообще всё равно, почему они вместе, по какой такой причине, главное, что они вместе, все вместе — вчетвером!

— Зато мы поедem на море, — решительно сказала тогда мама, — представляете, будем жить на море! Все люди туда отдыхать приезжают, а мы будем жить круглый год...

— Я не хочу! — закричали хором Янка и Ростик.

Но кто их будет слушать? Конечно, мама разговаривала с ними, объясняла: «Мне вас двоих не потянуть, я же не работала никогда, а там бабушка с дедушкой, что вы... ну Яна, ну Ростик, вы так любите там гостить... Я не могу остаться в этом городе. Ну поймите же и вы меня!»

«Поймите!» А ее, Янку, кто поймет? Одно дело — ездить в гости на каникулы, жариться на пляже, купаться и возвращаться к сентябрю домой шоколадной, просоленной морем, прогретой солнцем так, что, кажется, даже стоять рядом с ней жарко. Показывать фотографии, захлеб рассказывать о бесстрашном Тале, который

прыгает с огромного обрыва в море и дарит ей ракушки...

Другое дело — уехать навсегда. От родных, от друзей, от школы, от папы, в конце концов! Да, он вечно занят, всегда на работе, ему и раньше до них дела особого не было, а теперь и подавно, да, он предал, бросил их, ну и что? Всё равно — он же папа! Даже восьмилетний Ростик это понимает. И ревет целыми днями.

Янка реветь не может. Янка гордая. Поэтому — поет. Придет на берег, сядет на свой любимый камень-валун и поет, глядя на горизонт. Разные песни.

Один раз ее увидел Таль, старый друг, а теперь еще и одноклассник.

— Привет! Чего это ты?

— Пою, — улыбнулась Янка.

— Тренируешься, что ли?

— Ага.

Таль забрался на камень, закричал:

— Э-е-е-ей!

Был сильный ветер, и кричать было здорово. Они посидели еще немного, покричали и разошлись по домам.

Янку в Поселке все знали, они каждый год на лето приезжали к бабушке

с дедушкой. Вот шуму было первого сентября, когда она в класс вошла и объявила:

— Наше вам здрасте! Я теперь у вас жить буду.

И упала рядом с Дашей Аверко:

— С тобой сяду, ничего?

— Ой, Янычка, конечно... а чего вы? Переехали?

— Да, предки развелись, мы к бабушке с дедом перебрались. Здесь же красота, море, фрукты...

Только Таль и заметил тогда, что Янка притворяется, не своим голосом даже говорит. И всё понял. Но, конечно, промолчал.

Мама устроилась на работу в Феодосию, ездила каждый день, возвращалась поздно, а в конце сентября завела с Янкой серьезный разговор:

— Денег ни на что не хватает, Ростикку ботинки нужны, так быстро растет...

— Мам, у меня деньги на мобильном кончились.

— Яна! Ты хоть слышишь, что я тебе говорю?

— Слышу-слышу. Ну ведь правда кончились, я-то здесь при чем?

— Опять с Майкой болтали, вот и кончились, сколько раз тебе говорить: нет у нас теперь денег, нету! Привыкли... отвыкайте теперь!

Янка устала в одну точку, монотонно затила:

— М-м-м-м-м-м-м-м-м-м...

Раньше карманые деньги ей всегда папа давал. На телефон, на проезд, на обед в школе. Раз в месяц после зарплаты. Никогда не пропускал. Без карманых денег в пятнадцать лет тяжело.

— Яна, — мама обхватила ее голову своими ладонями, вискам стало жарко. Сидеть так было не очень удобно, но Янка терпела. — Я понимаю: трудно. Но и ты меня пойми: не могла я там оставаться. Хожу по улицам и боюсь: а вдруг его встречу? Или ее. Или вместе их. Город-то не очень большой.

— Ты его еще любишь?

— Не знаю, — вздохнула мама. — Да и что теперь об этом говорить?

— Мне важно.

— Люблю — не люблю... нет, наверное, не люблю. Привычка осталась, всё-таки шестнадцать лет вместе прожили. Яна,